

МЕТА-КОММУНИКАТИВНЫЕ И МЕТА-АДРЕСАТНЫЕ ХОДЫ В КОНФЛИКТНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ: НАПРАВЛЕННОСТЬ И АДРЕСОВАННОСТЬ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ФРАГМЕНТА ЛИТЕРАТУРНОГО СЦЕНАРИЯ Ю.М. НАГИБИНА «СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ СЕДЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ВОЛОСЫ»)

Богатырёва О.П.¹, Мурашкина Э.В.¹, Тихомирова А.В.²

¹ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия, e-mail: bogatyrevaolga4@gmail.com

²Институт педагогического образования, Тихомирова А.В. ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь, e-mail: innova86@mail.ru

В наиболее общем приближении направленность сообщения / послания на конкретного реципиента определяется как явление внутри категории адресованности текста / высказывания. Вектор индивидуальной или групповой направленности разрабатывается уже внутри класса «посвященных / избранных», внутри более широкой категории (общего класса) адресованности. Однако в конфликтном межличностном общении, в частности, в деструктивном диалоге-разногласии выявляется инверсия означенной схемы – парадоксальная перестановка в иерархии отношений «адресованность – направленность». В риторической конструкции говорящего с упреком сообщение направлено непосредственно на собеседника, но при этом риторически адресовано качественно иному реципиенту. Анализ диалога-разногласия позволяет выявить правило точного соответствия образа адресата жанру общения (e.g. конформиста в диалоге с давлением / оппонента в диалоге-споре) в качестве ключевой пресуппозиции конструктивного межличностного речевого взаимодействия.

Ключевые слова: речевая агрессия, терминальное рассогласование в диалоге, адресованность и направленность текста, мета-адресатная функция, культура общения, топика конфликтного общения, упрек, менасив.

META-COMMUNICATIVE AND META-ADDRESSEE COMMENTS IN TERMINAL MODE OF CONFLICT VERBAL COMMUNICATION: DIRECTEDNESS VERSUS ADDRESSEDNESS OF SPEECH (BASED ON YURI NAGIBIN FILM SCRIPT TEXT FACTION ANALYSIS)

Bogatyreva O.P.¹, Muraschkina E.V.¹, Tikhomirova A.V.²

¹Tver State University, Tver, Russia, e-mail: bogatyrevaolga4@gmail.com

²Pedagogical Education Institute, Tver State University, Tver, Russia, e-mail: innova86@mail.ru

Within frame of a most general outlook on 'directedness' of the message to the intended recipient it may be defined as an inner phenomenon, occurring within the category of text / utterance addressing/ addressed-ness. So the individual or group targeting is to be developed within the class of chosen addressees. However, within frame of the interpersonal conflict communication, particularly in the destructive/terminal mode of disagreement-dialogue the inversion of the aforesaid scheme is revealed - a paradoxical permutation in the hierarchy of relationships 'addressing – directing'. The rhetorical structure of the speaker reproachful message is targeted directly at the listener, but rhetorically is addressed to another and rather different recipient. The analysis of disagreement-dialogue reveals the (perfect) matching function of the addressee image the genre / pattern of communication (e.g. either conformist in a pressure-dialogue or opponent in argument-dialogue) as a key **presupposition of constructive interpersonal verbal interaction in progress.**

Keywords: aggressiveness, meta-communication, meta-addressee function, addressedness, directedness, targeting, meta-communication, dismantling the image of the interlocutor, conflict, loci communes, reproach vs. menace.

Антропоцентрический подход в изучении межличностного общения диктует внимательное отношение к коммуникантам как источникам коммуникативной ситуации, продуцентам и участникам события общения (текста) как субъектам общения, управляющим его развертыванием и протеканием и как экспертам, определяющим его качество. При этом одной из существенных черт диалогического текста является формирование, конструирование, трансформация и даже уничтожение (сведение к абсурду, «неантизация» и

т.д.) образов общающихся людей и самого события коммуникации. Высказанная ранее в ряде лингвометодических работ [10 etc.], посвященных выделению критериев оценки уровней сформированности коммуникативной компетенции языковой личности, гипотеза о высоком профиле выдвижения контролирующей образ общения *мета-коммуникативной* и образ адресата сообщения – *мета-адресатной функций* в общении может быть также осмыслена в жанровом ракурсе конфликтного диалогического общения, в том числе в модусе ведущего к разрыву в общении *терминального коммуникативного рассогласования*.

Философское, стратегическое понимание термина «диалог» [e.g. 5, с. 391 etc.; 14, с. 226; 6, с. 101 etc.], также как и определенные элементы его психологического содержания (установка на открытость, равноправие, уважение к собеседнику, непринужденная готовность к взаимодействию, поиску и нахождению приемлемого для всех сценария и т.д.) в означенных условиях отслаиваются от узкого, формального понимания диалога как «чистого обмена репликовыми шагами» [19, с. 48] в контексте межличностного коммуникативного взаимодействия.

В основу понятия конфликтного общения может быть положено понятие конфликтной ситуации и конфликтной коммуникативной / речевой стратегии говорящего. *Ситуация общения* есть имманентная экзистенциалия межличностного диалога. Участники разговора и формируют ситуацию и событие общения, и управляют ситуацией общения и векторами ее развития, и сами выступают органичной частью и динамической силой в коммуникативной ситуации. Понятие ситуации – целостное понятие. Именно поэтому одним из ключевых определений понимания текста выступает определение его как «*ситуативации*» [9, с. 6], т.е. как восстановления ситуации смыслопостроения в коммуникации. Человек, его опыт и «мир прожитого», межличностная дистанция между беседующими, коммуникативное событие (текст, сообщение), его буквальное содержание и содержащееся в нем послание, ценностные горизонты интерпретации, фрейм и сценарий общения – все эти элементы стягивают в себя развитие коммуникативной ситуации в целом. Одной из ключевых *точек стяжения и перевыражения* всех элементов коммуникативной ситуации выступает диалектический *образ слушающего* как адресата и как реципиента (актуального получателя) сообщения.

Парадокс адресата в коммуникативной ситуации заключается в том, что адресат в ней выступает и элементом, и условием, и средством, и источником, и целью коммуникации.

Явным или неявным планом общения может *выступать мета-коммуникативная информация* (информация о специфике и качестве протекания коммуникативного события). Последняя может быть представлена имплицитно (с расчетом на проницательного реципиента, особенно в случаях, когда оба собеседника принадлежат одной

интерпретационной культуре и эта культура *высоко-контекстная*, например – русская). Мета-коммуникативная информация может быть представлена *эксплицитно*, когда говорящий вводит (поясняющий, критический или корректирующий тему, жанр, характер протекания беседы) комментарий по поводу ситуации, целей, ценностей, стиля, характера / образа собеседников, их отношений между собой и/или с другими лицами. В таком случае можно утверждать о текстовом событии высказанной мета-коммуникативной рефлексии. Заметим также, что функция рефлексии и коррекции интерпретации отвечает одному из пяти выделяемых Г. Гейснером основных классов диалога (наряду с фатическим, риторическим, эстетическим, терапевтическим) [25]. Управление процессом общения затрагивает дейктический компонент организации речевой интеракции. Как отмечает В.С. Григорьева, вопросы мены коммуникативных ролей, *акты коррекции / редактирования* высказываемого / сказанного, понимания / понятого отвечают *метакоммуникативному началу* в сфере дейксиса дискурса, разговора [13].

В конфликтном общении (осуществляемые при других условиях по умолчанию) процедурные моменты согласованного диалога нередко дают сбой. При этом характер корректировки коммуникативных действий не всегда носит взаимно приемлемый характер для оппонентов. Разрыв в коммуникации и прекращение попыток организации согласованного диалогического взаимодействия могут быть связаны с выдвижением говорящими (взаимных) претензий к участникам общения. В рассматриваемом приближении понятие *коммуникативного конфликта* будет заключать в себе не всякое рассогласование в общении, а такое, которое ведет к формированию и удержанию *деструктивной (неантизирующей) позиции* по отношению к партнеру по общению, а также и по отношению к событию и возможному содержанию и смыслам общения.

Разумеется, и диалогический текст как *событие коммуникации*, и *образ адресата в тексте* представляют собой взаимосвязанные и теснейшим образом взаимодействующие целостности. Артикулированное в речи занятие говорящим критической *мета-позиции* по отношению к событию общения и к адресату речи всегда характеризуется событийностью, долей вынужденности, волюнтаривностью, обусловленностью решением важных риторических и герменевтических задач – таких, как воздействия на эмоциональную и рациональную сферу реципиента и как задачи понимания и интерпретации.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть означенные выше две функции речи (мета-коммуникативную и мета-адресатную) в их взаимосвязи в жанровом контексте конфликтного речевого взаимодействия коммуникантов на материале деструктивного диалогического речевого взаимодействия. Исходная *гипотеза* в общем виде заключается в *интенсифицированности* и *напряженности* темы и образа адресата в конфликтном

дискурсе, выраженной как средствами имплицитной, так и эксплицитной номинации. При этом тема инвективы специально в данной статье не рассматривается. Авторы ограничиваются рассмотрением *инвариантного* принципа критики образа адресата в диалоге-разногласии в модусе терминального рассогласования (т.е. разрыва коммуникации).

Подчеркнем, что в первом приближении термин «адресат» выступает здесь как наиболее общий термин, соответствующий некоторому модельному представлению конкретного (или даже неконкретного) лица, отвечающего функции (социальной) сознательной направленности высказывания [cf. 2, с. 358]. Один из частных аспектов *гипотезы* составляет функция (в расширенном приближении – идея) **дезавуирования** адресата высказывания, партнера по общению в *деструктивном диалоге-разногласии*. Под «дезавуированием» здесь понимается высказанный в той или иной форме отказ в признании приемлемости / адекватности коммуникативных и личностных диспозиций и статусно-ролевого поведения адресата в ситуации общения. Деауирование не тождественно *диффамации* как риторической установке на нанесение максимального урона имиджу собеседника.

Еще одна грань общей гипотезы заключается в *идее расщепления образа и понятия адресата* (на понятия подлинного и неподлинного, достойного и недостойного, желаемого / идеального и реального / несовершенного / нежелательного / неадекватного и неприемлемого адресатов) как мнимого или реального источника борьбы внутренних и внешних противоположностей в условиях конфликтного дискурса. Этой идее сопутствует интуиция о том, что *понятие адресата* всегда соответствует *классу* тех, к кому адресована речь (широкому или предельно узкому до единицы, полному или пустому), а понятие *реципиента* – индивиду, который не непременно должен вписываться в класс адресатов. В наиболее общем приближении выделяемая нами «направленность» сообщения / послания определяется как явление внутри *категории адресованности* текста / высказывания [cf. 12]. Уточняя предиспозиции общения, говорящий выделяет коллектив, класс, характер, интерпретационные диспозиции и возможности оптимальных адресатов сообщения, а затем управляет общением таким образом, чтобы форма, структура, объем плана содержания и смыслов плана послания соответствовали рецепции конкретного адресата. Вектор индивидуальной или групповой *направленности* разрабатывается уже внутри класса «посвященных», т.е. внутри более широкой категории адресованности.

Методологической основой исследования коммуникативного события конфликтного диалога-разногласия в модусе *терминального рассогласования* выступает опора на достижения и понятийно-терминологический аппарат современной лингвистической прагматики и лингводидактики, типологию коммуникативных / речевых актов, понятие

прагматограммы, функционально-семантический анализ дискурса, анализ ситуации / кейса, использование элементов интерпретативной стилистики и филологической герменевтики.

Объектом исследования выступает конфликтный межличностный диалог-разногласие в модусе терминального (окончательного) рассогласования. Материалом исследования и описания послужил один из наиболее драматичных эпизодов общения супругов в повести Ю.М. Нагибина «Срочно требуются седые человеческие волосы» (Литературный сценарий. Второй вариант¹[17]). Рассматривается первый эпизод коммуникации двух литературных персонажей – главного героя повести (Гущина) и его супруги (Марьи Васильевны). Герой повествования возвращается из командировки, в которой встретил новую, молодую любовь. В описываемый в тексте момент он внутренне не готов к общению с семьей и нуждается в уединении для того, чтобы разобраться в собственных чувствах.

Текстовый фрагмент 1. [17].

«...Гущин вернулся домой. Бросил портфель на диван, снял пиджак и кинул туда же.

Вошла Марья Васильевна.

(1.1.) – *Ты дома?* – вяло улыбнулся Гущин.

(1.2.) – *Откуда эта новая неприятная манера – удивляться тому, что я дома? Что ты хочешь этим сказать?*

(1.3.) – *Ей-Богу, ничего!* – искренне ответил Гущин.

(1.4.) – *Тебе хочется, чтоб я ушла?*

(1.4.1.) Гущин неопределенно пожал плечами.

(1.5.) Марья Васильевна подошла, взяла за подбородок, повернула к себе его лицо. – *А ну, признавайся, что натворил?*

(1.6.) – *О чем ты?..*

(1.7.1.) – *Старого воробья на мякине не проведешь,* – сказала она озабоченно. (1.7.2.) и с пронизательностью грешного человека добавила – *Ты влюбился?*

(1.8.) Гущин освободил подбородок и направился к книжной полке.

(1.9.) – *Похоже на меня,* – бросил устало.

(1.10.) – *Не лги, не лги, у тебя не получается!* – с тем же странным торжеством продолжала она. – *Ты вернулся другим из Ленинграда. Я сразу это почувствовала.*

(1.11.) – *Да,* – криво и принужденно усмехнулся Гущин. – *Я бросил пить и начал одеваться».*

Гущин нерасположен к общению, закрыт, он исходит из позиционирования своей собеседницы как чужого, внешнего, незваного визитера. Говорящий (супруга Гущина) настоятельно требует равного доступа к информации о происходящих в душе Гущина событиях и переживаниях, стремится «отформатировать» слушателя под себя, претендует на

¹Означенный вариант заметно отличается от текста одноименного рассказа 1967 года.

коммуникативное лидерство, проявляет стратегии доминирования, демонстрационность, утверждает свое право на давление и даже стигматизацию собеседника. Гущин не готов и не расположен воспринять ее готовность (принуждающую «открытость») к принятию новой информации как стимульную для разговора, который обещает быть неприятным. Он избирает стратегию *уклонения* или «ухода» от прямого конфликтного столкновения [cf. 14, с. 226]. Собеседница избирает коммуникативную стратегию «борьбы» в модусе доминирования [ibidem, с. 236]. Импликативные ироничные речевые шаги Гущина (он косвенно подчеркивает, что не понимает и не принимает тему разговора) контрастируют с экспликативными коммуникативными и мета-коммуникативными речевыми ходами его супруги. Отметим в этой связи использование супругой коммуникативных *ролевых масок* следователя, дознавателя, прокурора и даже квинтэссенции житейской мудрости и некоего подобия высшего разума («старого воробья не проведешь!», 1.7.1.). Сообразно означенным ролевым маскам (и *по закону гармонии образов адресата и адресанта*) Гущину *имплицитно делегируются роли* преследуемого, подозреваемого, допрашиваемого, обвиняемого. Гущин в свою очередь, будучи недоволен навязываемым ему *репертуаром ролей*, выбирает коммуникативную стратегию *эскапады* – от отрицания повода к столкновению до отрицания собеседника как достойного кодекса взаимного доверия с его стороны. Динамика образов адресата и адресанта сообщения / послания выступает герменевтической и риторической опорой в анализе и прогнозировании коммуникативного взаимодействия.

В диалоге разворачивается *ролевая игра* в следователя и подозреваемого, прокурора и обвиняемого, преследователя и преследуемого. Супруга пытается преодолеть сопротивление Гущина, прибегает к критике его речевого поведения, исходя из критической мета-коммуникативной/ мета-дискурсивной позиции («*Не лги, не лги, у тебя не получается!*» 1.10). В ответ Гущин прибегает к иронии (если позволительно выразиться красиво, к «*дымовой шашке иронии*») как средству демонстрации своего неприятия темы и самого факта разговора, установки на уклонение от экспликации событий его душевной жизни перед собеседником. Риторическим приемом здесь выступает *диссоциация* себя с иронично конструированным образом влюбленного (1.11.) Таким способом здесь пресекается образотворческая инициатива собеседницы.

Существенным компонентом языковой игры «*семейный конфликт*» выступает диалектика адресованности и направленности сообщения. Участники нелицеприятного диалога утрируют образ собеседника, но в то же время отмечают пустую, *неработающую адресованность* своих слов, мыслей и чувств, «некоммуницируемость смыслов».

Текстовый фрагмент 2. [17].

« – Да, – криво и принужденно усмехнулся Гущин. – Я бросил пить и начал одеваться.

(2.1.) – *Не-ет, не притворяйся! Хочешь, я скажу тебе, что с тобой случилось?.. Ты не вернулся из Ленинграда!*

(2.2.) Гущин вздохнул, пораженный ее угадкой.

(2.3.) – *Не хватало еще, чтобы ты начала ревновать меня. Видимо, мне суждено пройти все круги семейного ада.*

(2.4.) – *Да уж, рая не жди!* – зловеще усмехнулась Марья Васильевна.

(2.5.) – *Ты вечером пойдешь куда-нибудь?*

(2.6.) – *Нет! Я же говорю: рая не жди. Ты мне очень интересен в роли влюбленного».*

Схема развития (прагматограмма) конфликтного взаимодействия реализуется в выдвижении (взаимных) претензий и обвинений, *пренебрежении* механизмами «взаимного погашения» и прощения. Супруга в роли каузатора разговора не признает за собеседником право на альтернативную перспективу осмысления ситуации, не совпадающую с ее собственной позицией человека обиженного. (Здесь нарушается четвертый *принцип погашения конфликта* – «принимайте во внимание горизонт смыслов собеседника» [26, p.141]).

Динамика развития диалога-разногласия включает в себя (а) заякоривание элементов конфликтной ситуации (1.2.), (b) разработку их в контексте обвинения в преступлениях против личности, верности и социального института брака (1.5; 1.10; 2.1.), (c) выдвижение встречных претензий путем дезавуирования собеседника (2.3.), (d) «объективацию» собеседника (1.4.; 1.7.2.; 1.10; 2.1.; 2.6.) и (e) прямое давление (1.7; 1.10; 2.1.; 2.4.), (f) противостоящую (c) и (d) диссоциацию (1.11.) и попытки отклонить приглашение к разговору (2.3.). Спорный в житейском приближении вопрос о том, кто собственно выступает инициатором конфликта, в лингвистическом приближении решается в пользу коммуникативных / речевых инициатив конфликтогенного характера. В рассматриваемом случае в коммуникативной инициативе супруги (1.2.) соединяются два коммуникативного жанра – *обвинение* и собственно *вызов* («Что ты этим хочешь сказать?») и три мета-плана (*мета-коммуникативный* «хочешь сказать», *мета-когнитивный* «что сказать» и апеллирующий к воле *мета-адресатный*, отвечающий за личностные смыслы собеседника).

В общении участников семейной сцены выдвигается установка на высказывание рефлексий в виде экспликативных мета-коммуникативных/ мета-текстовых ходов. Супруга категоризует образ Гущина как неприемлемый для себя образ влюбленного в другую женщину, и в этой связи выстраивает образ собеседника как несколько нелепого и смешного человека. Гущин в ответ категоризует коммуникативное поведение супруги как *некрасивую* и поэтому *неуместную демонстрацию ревности*. Гущин предпринимает ряд настойчивых попыток уклониться от вызова жены на прямой разговор, но когда становится очевидным его

неизбежность, выходит в *мета-коммуникативную позицию* («*Не хватало еще...*», 2.3.), высказывая негативную оценку и неприятие самого предлагаемого *жанра и тона* общения. На экспликацию образа себя как адресата Гуцин отвечает экспликацией иницируемого собеседником *жанра* общения. При этом экспликация образа собеседника как неприемлемого и неприятного имеет место в речевых инициативах обоих собеседников. Но и сама экспликация переживается как *агрессивный* (неделикатный) и *обоюдно вульнеративный* (ранящий собеседника [27]) коммуникативный ход. В *дискурсе давления* мета-коммуникативные *экспликативы* («Я же говорю», 2.6.) сопровождают иносказательные угрозы. Здесь же проявляется состязание собеседников за право коммуникативного лидера на загадочность, не признаваемое за собеседником (как низшим). Одновременно в дискурсе супруги наблюдается «инсистивный», т.е. настоящий повтор менасивных (т.е. содержащих признаки угрозы) обещаний-комиссивов. *Комиссивы* выражают обещания и другие взятые на себя обязательства (ср. обязательство одной из сторон при заключении договора и т.п.). Как справедливо отмечает Е.А. Филимонова, иллюкутивный тип «угроза» [24, с.117 etc.] также входит в семантическое поле класса комиссивов [cf. 22, с. 88].

Попытки уклонения Гуцина от разговора вызывают со стороны инициатора конфликтного диалога инсистивные (демонстрирующие речевую тактику настаивания на семантическом уровне), а также итеративные (на уровне формы) реплики («*Не лги, не лги...*», 1.10.).

Драматическая черта конфликтного общения представлена в *нечуткости* собеседников к задаваемым и повторяемым вопросам, к личностным predispositionам собеседников. Гуцина волнует возможность побыть одному. Супруга Гуцина это хорошо понимает, но при этом не намерена считаться с его ожиданиями. Она требует от него рассказа о сложившемся *статусе quo* в их отношениях. Гуцин также понимает запрос и также всемерно игнорирует вызов на откровенность. Нечуткость, глухость, неуслышанность в данном случае соответствуют нише *смыслов-восприятий* и *смыслов-отношений* в типологии текстовых смыслов А.А. Богатырёва [8, с. 21]. Усматриваемые в возможном мире читательской рецепции текста *смыслы-отношения* противопоставляются *смыслам-действиям* и *смыслам ценностям* [ibid.].

Целесообразность мета-коммуникации и мета-адресации в диалоге-разногласии в целом определяется необходимостью объяснения расхождения или *нетождественности позиций*.

Супруга строит речь на основе выдвижения партикулярных / семейных ценностей и соответствующих им *смыслов-действий*, *смыслов-оценок* и *смыслов-отношений*, Гуцин опирается на универсализируемые *смыслы-ценности* индивида. В герменевтической

перспективе на первый план выходит объяснение несовместимости характера коммуниканта с пониманием («помещением», «вмещением») смыслов общения.

С опорой на *риторические тактики* имплицитной и эксплицитной *адресации* и *мета-адресации* конфликт между говорящими переводится в плоскость *конфликта внутри человека*, конфликта, связанного с выбором лица, имиджа и соответствующего набора интерпретационных установок. Как следствие, понятие понимания и понятие готовности понимать обретают в диалоге особый *вектор динамики*, связанный с *диалектикой образа адресата* в межличностном общении. Изначальная *конфликтность* общения как *мета-смысл* (*смысл многих подчиненных смыслов*) *события общения* раскрывается здесь через метафору неслышанности / глухости, разговора с глухим, слабослышащим или не слушающим собеседником, но достигает совершенства и завершенности в форме полемического приема «*ты не тот, за кого себя выдаешь*» (ср. 3.3. – 3.7.). Персонализированные (в рамках художественного приема остранения) образы смыслов-ценностей представлены в заключительном блоке конфликтного диалога персонажей.

Мета-адресатные риторические ходы как основа терминального рассогласования конфликтного диалога

Текстовый фрагмент 3.

(3.1.) – *Ты зря стараешься*, – тяжело сказал Гушин, – *не все в мире поддается опошлению*.

(3.2.) – *Ага!.. Признался!.. Ну, давай дальше. Чего ж ты?*

(3.3.) – *Слушай, я давно хотел тебя спросить: куда девалась Чистопрудная девчонка с огромными чистыми глазами?*

(3.4.) – *Какая девчонка?* – удивилась Марья Васильевна.

(3.5.) – *Видишь, ты даже не помнишь ее. А мое несчастье в том, что я слишком долго ее помнил. Быть может, и сейчас еще помню, правда, лишь когда тебя нет рядом. А вот сейчас мне не верится, что она когда-то была... Неужели человек сбрасывает образ своей юности, как змея кожу, и ничего не уносит в последующую жизнь?*

(3.6.) – *Как это похоже на тебя: жестокость, холодность и высокопарность!.. Ответ в тебе самом – куда девался молодой, смелый летчик... простой, доверчивый, искренний и главное - смелый, смелый! Он тоже умер?*

(3.7.) – *Да, – побледнев, сказал Гушин, – это ты его убила...[17].*

Супруга Гушина реализует риторическую стратегию второй и третьей фазы *речевой агрессии*, связанную с установкой на предельную *объективацию собеседника*, превращение его из равноправного субъекта диалога в беззащитный и безвольный объект речевого воздействия. Она прибегает к эксплицирующей характеристике удобной коммуникативной личности оппонента, затем переходит к экспликации явного несоответствия

коммуникативных проявлений предполагаемому внутреннему содержанию его личности. Саркастическая фраза «смелый летчик» здесь выступает скорее как словесный стимул к смене фрейма, роли, коммуникативного поведения, чем иронический комплимент [cf. 23]. Гушин поражен. Исходные предпосылки мнимого образа партнеров по общению (исходные образы и я-концепции) рассыпались. Оба потерпели поражение. Достигнута **точка терминального рассогласования диалога** – образы адресатов как основание для ведения беседы уничтожены. Продолжение беседы невозможно ни одним из собеседников. Как можно было заметить, говорящие признают *фантомную адресованность* своих высказываний, мыслей и чувств, адресованность *пустому классу адресатов*. Эта адресованность автоматичная, *иллюзорная*. Она подобна явлению фантомных болей в ампутированном органе, боль и горечь расставания с которым просыпается вновь. Несмотря на то обстоятельство, что повествователь предоставляет текстовые основания, чтобы читатель мог судить о коммуникативной личности супруги Гушина как об агрессивной, склонной к доминированию и т.д., мы должны отметить *вulnerable* [cf. 27] установку и в речи героя, нацеленную на то, чтобы причинить собеседнице боль (cf. 3.5.).

Интрузивное вмешательство говорящего в дела и труд души другого методологически (не непременно этически) оправдано *апелляцией к адресату в адресате*. Ведь снятие упрощений в представлении об адресате предполагает учет диалога другого / адресата с самим собой [6]. Этот непрекращающийся диалог человека с самим собой «включает в себя обозначенные в сознании нетождественные жизненные позиции по отношению к миру и месту человека в нем; он также включает момент конфронтации, состязания и даже суда над побежденным» [6, с. 98]. При этом последовательно адресатоцентричный подход к художественному тексту требует внесения в рамки рассмотрения (дополнительного) плана особого рода адресата – читателя, способного одержать победу там, где герой терпит поражение. Здесь актуализуется эстетическая идея катарсиса как очищения через переживание боли и страха за человека. Художественная сторона представленного в тексте сценария общения связана с интенсификацией рефлексии аксиологического компонента в «онтологической конструкции индивида» [cf. 11, с. 10, 27], открытой *самопониманию* и именуемой в идеалистическом дискурсе *душой человека*. Искусство вырывает читателя из суетного бега повседневности, дезавтоматизирует его состояние, деобъективирует его существо, призывает к очищению души, переоценке ценностей. Искусство вырывает человека из плена обусловленности обстоятельствами, приносит надежду на спасение главного в человеке: «Упрощение имеет место всякий раз, когда личность берется как устоявшаяся, застывшая в некотором статическом состоянии монада, тогда как душа живого

человека выступает полем противоборства ряда различных культур. Диалог с самим собой разным не только возможен, он актуален»[6, с. 98].

Топическая схема диалога-разногласия в модусе терминального рассогласования

Коммуникативное *событие конфликтного общения* здесь может быть определено в традиции Вильмонта и Хокера как событие осязаемого межличностного противоборства на основе выясненных непримиримых различий в убеждениях, ценностях, целях либо (что в данном коммуникативном контексте не менее ценно) в стремлении к уважению, контролю и участию в управлении ситуацией [cf. 28, p. 11]. Одним из традиционных средств анализа смысла текста, известных уже в традиционной риторике и поэтике античности выступает *топика*, направленная на выявление в тексте устойчивых инвариантных элементов содержательно-тематического характера, скреп слога и смыслов [cf. 1, с. 38-39]. При опоре на приведенный текстовый материал мы выделили четыре *топоса*, категоризирующие, организующие, соединяющие и интенсифицирующие в поле читательского восприятия прямо и косвенно номинированные смыслы текста / текстового эпизода конфликтного диалога-разногласия в модусе терминального рассогласования.

1) *Топос власти* (или скорее, *топос властных притязаний*) в настоящем случае отмечен такими маркерами, как монополизация права на иронию, оправдание; демонстрационность; доминирование; фокус эмпатии исключительно на собственных переживаниях говорящего; разговор о себе в третьем лице (1.7.1.); подавление готовности собеседника к управлению диалогом, сопротивлению, к самостоятельному волеизъявлению (1.5.; 2.1.; 2.4.; 2.6.).

(2) *Топос давления, насилия над собеседником* включает в себя коммуникативные акты угрозы (менасивы) эксплицитное шаржирование /окарикатуривание образа собеседника; выдвижение делигируемого / контингентного (выявляемого) мета-смысла «*ты должен меня бояться. Потому что ты виноват передо мною*», а также контингентного мета-смысла «*тебе должно быть стыдно и очень страшно*». Контингентными смыслами мы, вслед за исследователем [cf. 7, с. 172], называем такие, которые усматриваются читателем «гармоническим образом», при опоре на средства косвенной номинации и углубленное понимание транслируемой коммуникативной ситуации текста.

(3) *Топос свободы и разномыслия, плюрализма пониманий* включает в себя, наряду с прочими риторическими маркерами, *выходы в мета-коммуникативную позицию*, в критику жанров и образов субъектов коммуникации, попытки изменения темы разговора. Подчеркнем, что означенные средства и способы организации и реорганизации диалога интенсивно используются обеими сторонами в конфликтном диалоге-разногласии.

(4) *Топос конфликта пониманий, противоборства, сопротивления давлению* включает в данном случае риторические тактики *защиты* своего мира интимных переживаний и

смыслов. Гуцин четырежды пытается уклониться от скандала, прибегает к защите / маскировке иронией. На пятый раз он прямо высказывает свое нежелание участвовать в коммуникации определенного жанра. Наконец, Гуцин прибегает к мета-адресации в отношении собеседницы как эффективному способу прекратить общение (3.3.). Последнюю точку в его риторической программе ставит полное *уничтожение коммуникативных предпосылок диалога* в лице соответствующих образов адресантов и адресатов (3.3.; 3.7.).

В рассмотренном диалоге-разногласии противостоят и сталкиваются, с одной стороны, оказывающая (рассчитанное на ожидании проявлений конформизма) давление *власть* институциональных и партикулярных ценностей и правил, с другой – идущая на конфликт и оказывающая сопротивление монистической интерпретации принуждающих связей *универсалистская свобода* индивида. Несовместимостью позиций обуславливается несовместимость жанров общения. Во всех означенных топосах преломляется подлежащий / противящийся объективации *образ адресата речи*. В окрестностях первых двух топосов межличностного взаимодействия *направленность речи* вытесняет *адресованность*, немислимую вне диалогических отношений. Напротив, в свете интерпретационных установок последних двух топосов *образ собеседника эмансипируется* от системы принуждающих внешних связей, утверждается в качестве автономного субъекта общения, наделенного правом предлагать и ограничивать круг тем, жанр и тон общения, выбирать собеседника, строить общение на основе межличностного диалога или прерывать его.

Три витка агрессии в достижении терминального рассогласования диалога

Если принять во внимание также выделение авторами Н.А. Купиной и Л.В. Ениной *трех ступеней* речевой агрессии, то можно отметить в настоящем случае высокий профиль первой, базовой ступени, обусловленной «констатацией факта социального неблагополучия», а также и второй, определяемой как выдвижение предупреждения / угрозы в адрес мыслимого виновника онога [15, с. 27]. Что же касается третьей, предельной ступени речевой агрессии, то здесь имеет место *мета-адресатная инверсия* таких стандартных проявлений высшей формы речевой агрессии, как «прямой выпад, призыв к ликвидации, разрушению, уничтожению» [ibid.]. В словах супругов звучит призыв к восстановлению и сохранению образа идеального адресата (инвективы излишни). Однако в полной мере это сохранение и восстановление одного возможно только при сохранении и восстановлении всех необходимых качеств ценного другого. Прямые и косвенные взаимные упреки и обвинения не уничтожают сакраментального образа идеального собеседника в супруге, святости значимого другого. Неготовность сделать шаг навстречу порождает столкновение супругов на фоне более глубокого межличностного конфликта. И этот конфликт обусловлен чувством утраты идентичности идеального адресата / собеседника. Разумеется, в данном

случае на материале художественного текста анализировался образец высокой поэзии (по контрасту с рутинным инвективным словесным аккомпанементом эпизода типичной семейной сцены), однако на уровне анализа *глубинного семантического инварианта* деконструкция образа собеседника входит в риторическую программу терминального (т.е. ведущего к разрыву в коммуникации) рассогласования в диалоге.

Два человека вступили в коммуникацию, но так и не «встретились» в ней. Как можно видеть из наблюдений над фрагментом (3), *мета-конфликтная и мета-адресатная* риторическая тактика «я не с вами разговариваю» / «вы (недостаточно культурны / искренни / интеллигентны etc.) и поэтому недостойны быть моим собеседником» и даже иллокутивное самоубийство «вы уничтожили вашего собеседника» используется обеими конфликтующими сторонами. Два человека встретились, вступили в разговор и потеряли друг друга. В итоге, как заметил бы Ролан Барт, происходит «взрыв, рассеяние смысла» [3, с. 417], всеобщее крушение коммуникативных структур дискурса [4, с. 311], вследствие которого дальнейшее продолжение общения становится невозможным. Такова риторико-герменевтическая программа и внутренняя логика *деструктивного дискурса-разногласия*. Разумеется, художник хотел показать здесь нечто сверх проанализированного и описанного нами, некоторую темную сторону чувства к одному человеку, некоторую всеобщую затронутость чувств, некоторую несвободу человека от его прошлого и многое другое. Но все это «многое другое» уже выходит в план рефлексии второго порядка, рефлексии «скрытых интервенций невидимых участников» [cf. 16] за рамками планов коммуникативных действий и отношений, реализованных в конфликтном дискурсе преследования и освобождения от коммуникативной агрессии. Подчеркнем, что в *прагматограмме*² как жанрово обусловленной последовательности (протоколе) речевых действий [cf. 20; 21, с. 485] в ситуации эскалации межличностного конфликта прослеживается последовательная регрессия к основаниям субъективного (эгоистического) видения ситуации и их раскрытие от переживания дискомфорта и демонстрации воли к его преодолению (за счет другого) до экспликации опорного *образа удобного другого*. Последний схематично сконструирован по вектору формирования нелицеприятного контраста с реальным собеседником. Образ адресата затрагивается в конфликтном речевом обмене в модусах адресации и мета-адресации изначально, но *риторическая стратегия* объективации модифицируется от совладающей к упрекающей – «ты не тот, за кого себя выдавал» (текстовый фрагмент 3).

Дискуссионная часть

Деструктивный характер конфликтного диалога-разногласия вполне логично проявляется в заключительном эпизоде события общения, итогом которого становится констатация

²В качестве *консеквента* здесь выступает разрыв общения.

сторонами отсутствия достойного собеседника-адресата. Коммуникативное событие конфликтного общения не помогает герою осмыслить происходящее, но только подталкивает к импульсивному выходу из зоны дискомфорта. Впрочем, здесь художественно представлен и рассмотрен только *односторонний* взгляд на природу конфликтного общения – как *деструктивного жанра* взаимодействия. Более широкий взгляд на вопрос о природе конфликтного общения подсказывает альтернативную трактовку жанра конфликтного взаимодействия с учетом возможности коррекции позиций коммуникантов при усмотрении конфликтов интересов и / или образов субъектов общения. Как удачно удалось показать в диссертационном исследовании А.Л. Погребисской [18], даже такие жесткие коммуникативные микрожанры как «обвинение» или «отказ» вовсе не непременно вносят исключительно негативный вклад в процесс общения при наличии доброй воли собеседников к конструктивному диалогу и согласию. А.Л. Погребисская относит реплики обвинения к коммуникативному типу сатисфактивов. В прагматограмму или «протокол» сатисфактива (по А.А. Романову [cf. 20]) входит жестко заданная последовательность «шагов», направленных в конечном счете на *единство* знаний и оценок коммуникантов по поводу некоторого беспокоящего обстоятельства, о котором один должен быть осведомлен лучше, чем его собеседник [cf. 18]. Перспективным представляется контрастивное исследование специфики мета-коммуникативной и мета-адресатной компонент в составе риторико-герменевтической организации диалога-согласия.

Заключение

Анализ приведенного предметного образца деструктивного диалога-разногласия демонстрирует *парадоксальное сочетание выраженной направленности* коммуникативного акта / серии коммуникативных актов, речевых ходов говорящего на реципиента с *проблематичной адресованностью* как источником коммуникативного рассогласования. **Направленность** коммуникативного акта характеризуется лингвистической маркированностью (например, употребление форм второго грамматического лица), риторической установкой на передачу «я – ты» отношений. **Адресованность** речи / коммуникации трактуется исходя из особого рода герменевтической перспективы общения, связанной с построением целостного образа (оптимального/идеального) адресата сообщения. Здесь также представляется возможным (с известной долей осторожности) поставить под сомнение утверждение В.С. Григорьевой о том, что «мета-коммуникативные сигналы неинформативны в содержательном плане» [13]. Насколько нам представляется, в данном случае мета-коммуникативные / мета-адресатные ходы говорящих весьма информативны, поскольку выполняют функцию управления общением и образо-созидающую функцию в отношении адресата и адресанта речи. Информативны они также и в том особом отношении,

что обнажают жанровую несостоятельность и бесперспективность диалога между неверно истолкованными в плане адресации диспозициями участников речевого обмена.

В наиболее общем приближении направленность сообщения / послания определяется как явление внутри *категории адресованности* текста / высказывания. В известной трактовке О.П. Воробьевой под адресованностью понимается «свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате текста и особенностях его интерпретативной деятельности» [12, с. 9]. Однако в данном случае не столько «образ адресата» опредмечивается (образ формируется и разрушается в речи прямо и эксплицитно), сколько сам реципиент объективируется, расчеловечивается и неантцизируется в менасивной риторической программе говорящего.

Рассмотренный эпизод терминального рассогласования конфликтного диалога-разногласия позволил нам по-новому переопределить понятия в составе семантического поля «адресованности». Понятие *адресата* конкретизирует, классифицирует, индивидуализирует оптимального получателя сообщения. Понятие *реципиента* индивидуализирует / «акцидентизирует» получателей в событии рецепции сообщения. Адресованность текста обусловлена разрабатываемым в его риторико-герменевтической программе представлением об оптимальном адресате текстового сообщения и послания. *Адресованность* текста очеловечивает реципиента. В означенном интерпретационном контексте направленность сообщения / послания на фоне деградации адресованности объективирует и расчеловечивает реципиента сообщения / послания в менасивном контексте.

Уточняя predispositions общения в *модусах адресации и мета-адресации*, говорящий выделяет коллектив, класс, характер оптимальных адресатов сообщения, и (затем) управляет общением таким образом, чтобы форма, структура, объем плана содержания и смыслы плана послания соответствовали плану рецепции конкретного адресата. Вектор индивидуальной или групповой *направленности* разрабатывается уже внутри класса «посвященных», внутри более широкой категории (общего класса) адресованности. Однако в конфликтном межличностном общении наблюдается *инверсия* означенной схемы, парадоксальная перестановка в иерархии отношений «адресованность – направленность». В риторической конструкции говорящего с упреком сообщение (прежде всего в его конативной функции) направлено непосредственно на собеседника, но при этом риторически адресовано качественно иному реципиенту, чем тот, с кем говорящий непосредственно имеет дело. Говорящий выстраивает риторико-герменевтическую программу своего текста как деструктивную критику собеседника в собеседнике, адресата в адресате, реципиента в реципиенте. Понятие адресата в риторике упрека *расщепляется*: выстраиваются два нетождественных и контрастных образа слушающего – подлинного и неподлинного,

достойного и недостойного, идеального и неприемлемого реципиента сообщения / послания, открытого / способного и неспособного к пониманию; от образа реципиента отслаивается адресованность лучшему человеку / лучшему в человеке. В риторике менасива понятие адресата вытесняется, расчеловечивается на основе деградации целокупного плана личностной адресованности и эскалации плана направленности на индивида и его боль.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. – М.: Наука, 1981. – С. 15-46.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356-367.
3. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413-423.
4. Барт Р. S/Z / Пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат; пол ред. Г.К. Косикова. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2009. – 373 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
6. Богатырёв А.А. О полилогичности диалога в свете его философского толкования в XX веке // Вестник Северо-Кавказского Гуманитарного института». Научно-практический журнал. – 2012. №1(1). – С. 93-103.
7. Богатырёв А.А. Схема интендирования тревожной тональности в беллетристическом тексте // Стил (Международный научный журнал). – Бања Лука – Београд, 2009. – С. 167-176. – [Текст]. – Режим доступа: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2009/16Bogatirjev.pdf>
8. Богатырёв А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте. – Тверь: ТвГУ, 1998. – 101 с.
9. Богатырёва О.П. Функционально-семантическая характеристика учебного языкового текста: на материале английского языка: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Тверь, 2006. – 20 с. URL: <http://eprints.tversu.ru/1784/1/01147.pdf>
10. Богатырёва О.П., Тихомирова А.В. Адресатоцентризм современного лингводидактического текстообразования и коммуникабельность учебного текста // Непрерывное педагогическое образование.ru. – 2013. – № 3. – С. 138.
11. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста: Учебное пособие. – Тверь, 1993. – 137 с.

12. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. – М., 1993. – 382 с.
13. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
14. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с:
15. Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в СМИ. – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 26-38.
16. Мурашкина Э.В., Безроднова И.А. Риторическая и интерпретационная разработка образов прямого и косвенного адресата комплимента в полилоге (на материале анализа полилога персонажей в тексте о. Форш «Михайловский замок») // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: www.science-education.ru/129-22148
17. Нагибин Ю.М. Срочно требуются седые человеческие волосы. Литературный сценарий (второй вариант). – [Текст.] – URL: <http://modernlib.ru/>
18. Погребиская А.Л. Коммуникативно-содержательная характеристика диалогических реплик обвинения в британской языковой культуре: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 германские языки. – Тверь, 2006. – 19 с.
19. Романов А.А. Коммуникативное рассогласование как разновидность прагматического непонимания в диалоге // Понимание и рефлексия. Материалы 1 и 2 Тверских герменевтических конференций ч.1. – Тверь, 1992. С. 44-48.
20. Романов А.А. Прагматограмма как форма реализации иллокутивных знаний в диалогическом тексте // Когнитивная и коммуникативная структура текста. Функциональный анализ. – Днепропетровск, 1991. С. 39-40.
21. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
22. Сусов Иван Павлович. Лингвистическая прагматика. – М.: «Восток – Запад», 2006. – 200 с.
23. Тихомирова А.В., Петрушко И.А., Богатырева О.П. Комплимент, «некомплимент» и образ адресата в диалоге // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2; URL: www.science-education.ru/129-21882.
24. Филимонова Е.А. Прототипическая картина класса комиссиров: На материале английского и русского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20. – Уфа, 2003. – 203 с.

25. Geißner, H. Sprechwissenschaft: Theorie der mündlichen Kommunikation / H. Geißner. – Königsten, 1981. – 235 S.
26. Krauss, Robert M. and Ezequiel Morsella. Communication and Conflict // The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. / Deutsch, Morton and Peter T. Coleman, eds. San Francisco: Jossey-Bass P, 2000. – pp. 131-143.
27. Tikhomirova A.V., Bogatyreva O.P., Bogatyrev A.A. Emotionally aggressive and ‘vulnerable’ text rhetorics uncovered in the light of interpretative expertology // Australian science review (Adelaide University Press, 2014). – №2 (6), July-december, 2014. – vol. 3. – pp. 572-589.
28. Wilmot, W. W., & Hocker, J. Interpersonal conflict (8th ed.). New York: McGraw-Hill, 2011. – 362 p.

Рецензенты:

Комина Н.А., д.фил.н., профессор, зав. межфакультетским отделением иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь;

Крюкова Н.Ф., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой английского языка, факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь.